

ЧУДЕСА ЭКРАНИЗАЦИИ, или ПЕНА БЕЗ МЫЛА

О качестве телевизионного прочтения
литературных первоисточников

Светлана
Бестужева,
кандидат
исторических
наук

Прежде всего, договоримся о терминах. «Экранизация» на современном телевидении давным-давно потеряла первоначальный смысл, не обретя, к сожалению, внятного нового, и теперь может обозначать всё, что угодно. Точнее, то, что приходит в голову создателям той или иной ленты.

Немного истории. В 1970-е годы на Центральном телевидении существовала рубрика «Экранизация литературных произведений», каждое воскресенье после передачи «Сельский час» в этой рубрике показывали фильм, **снятый по классическим произведениям русской и советской литературы**. Отсебятина или, культурнее, «по мотивам» не только не приветствовалась, но даже и не допускалась. Времена такие были — конкретные.

Наверное, нет необходимости напоминать, кто и каким образом определял степень классичности литературных произведений. Да и круг чтения советских граждан определялся раз и навсегда, причём достаточно строго. Тем не менее, положительные результаты были. В отличие, скажем, от современности, когда я своими ушами слышала в театральном фойе, как две милые молодые дамы на полном серьёзе обсуждали, кто кого застрелит на дуэли: Онегин Ленского или наоборот. Хотя... Кто сказал, что интеллигентный человек обязательно должен прочитать определённый и вполне внушительный список литературных произведений? Это — отголоски так называемой «книжной культуры», которая постепенно сдаёт свои позиции, нравится нам это или нет.

Но вернёмся к теме нашего разговора. Экранизация литературного произведения, считают специалисты, — это либо иллюстрация, либо пересказ на другом языке, на языке другого искусства. При этом неизбежны потери, но бывают и несомненные удачи. Классический пример — нетленный фильм «Чапаев», хотя книгу, по которой его снимали, читали очень немногие, а помнят — ещё меньше. Точно так же повезло «Молодой гвардии»: из вполне заурядного конъюнктурного произведения получился шедевр. «Гранатовый браслет», «Алые паруса», «Дама с собачкой», «Воскресенье» — эталоны экранизации при очень бережном отношении к литературному произведению. Так и хочется сказать фразой из анекдота: «Могут ведь, когда хотят!» Безошибочным признаком удачного фильма является то, что он не стареет. Все вышеперечисленные ленты и по сей день смотрятся весьма выигранно на фоне достаточно мутного потока современных поделок. Причём смотрятся как в прямом, так и в переносном смысле этого слова.

Экранизация литературного произведения всегда была для кинорежиссёров практически обречена на удачу — на кинопрокат, на положительные отзывы критиков, соответственно, гонорары и всенародную славу. Поди-ка плохо! И было очень даже хорошо, просто замечательно было, пока эту идиллию не испортило стремительное развитие телевидения. Ведь первое время «малый экран» никак не мог конкурировать с экраном «большим». Одна-две программы, художественные фильмы — только те, которые уже были показаны в кино. Плюс неизбежный снобизм наиболее «продвинутой» части зрительской аудитории. Если до появления телевидения хорошим тоном считался поход в театр, а «киношка» была развлечением

«плебеев», то телевизор немедленно окрестили «ящиком для идиотов», а поход в кино стали считать приобщением к высокому искусству.

Но технический прогресс на месте не стоит. Телевизор стал неотъемлемой частью жизни тогда ещё советских граждан, а художественные фильмы — наиболее востребованной частью программы. Киноиндустрия сопротивлялась изо всех сил: сначала фильмы разрешали показывать не раньше, чем через два месяца после завершения кинопроката, потом — через полгода, потом — через год. Далеко не у всех хватало терпения дождаться телепоказа. Нужно было срочно искать выход, и его нашли. Появились **телевизионные фильмы**, с которых, собственно, и началась глобальная перестройка телевидения и кардинальные изменения в телепрограммах. В период с 1970 по 1990 гг. вышло в эфир около двух тысяч игровых телефильмов, созданных на отечественных студиях. Помимо явных неудач и однодневок были сняты такие ленты, которые и по сей день нет-нет, да и появляются на экране. В результате медленно, но верно «самый читающий народ» превращался в народ среднестатистический, читающий вполне умеренно, предпочитающий наслаждаться шедеврами литературы в их экранной версии (отечественной и зарубежной). Результаты иногда бывали просто уморительными: в головах зрителей перемешивались князь Андрей Болконский и разведчик Штирлиц, барон Мюнхгаузен и сказочный Дракон... Я не шучу: в одном из школьных сочинений тех времён так и было написано: «...когда Наташа Ростова танцевала на своём первом балу со Штирлицем...». А сколько их было, таких «сочинений», как письменных, так и устных! Но это, как выяснилось, была только преледа к великому и до сих пор не вполне постижимому явлению под названием «сериал». Интересно: ведь никого тогда не насторожило, что с показом большинства многосерийных

телефильмов улицы пустеют, а кривая преступлений резко падает вниз. Только радовались, что нашли, наконец, достойный способ заполнить свободное время граждан. Рано, между прочим, радовались и совершенно напрасно.

На ничего не подозревающее пока ещё советское общество надвигалась вторая волна экранизаций-сериалов, на сей раз — иностранного производства. Те, кто помнит, какой долгожданной редкостью и каким огромным удовольствием были сеансы зарубежных фильмов в кинотеатрах, поймут, почему приход «не наших» фильмов на телеэкраны

стал сенсацией. Первой «ласточкой» был английский сериал «Сага о Форсайтах». В 1969 году Первая программа показала 26 получасовых серий вполне качественного фильма, снятого по далеко не самому популярному литературному произведению, по сложности и многоплановости вполне сравнимому с «Войной и миром». Демонстрация сериала состоялась в августе, многие отпуски её, естественно, не увидели. Тем не менее, рейтинг оказался неожиданно высоким.

Почти двадцать лет спустя новогодним подарком телезрителям стал бразильский сериал «Рабыня Изаура» — первая «мыльная опера» на нашем экране. Сейчас это трудно себе

представить, но перед показом первой серии выступал известный тогда **политический обозреватель** Игорь Фесуненко: сочли необходимым предварить демонстрацию «их нравов» хорошей порцией политически грамотной «прививки». Не помогло...

Сначала дали в эфир первые пять серий, поскольку всерьёз опасались провала: ничего подобного у нас ещё никто не видел. Опасения не оправдались: сериал имел совершенно сногшибательный успех у зрителей. Свидетельство тому — беспрецедентная зрительская почта, лавиной хлынувшая в редакцию. Были даже курьёзные депеши: из Новосибирска телеграммой сообщали, что собирают деньги, чтобы выкупить несчастную рабыню у жестокого сеньора Леонсио. Наши люди так привыкли безоговорочно верить всему, что преподносят им с голубого экрана... До сих пор, кстати, не все отвыкли или отвыкли не до конца. Не только зрители, но и пресса отнеслась к премьере благосклонно. Такой либерализм объяснялся не в последнюю очередь тем, что литературной первоосновой фильма послужил одноимённый роман Бернардо Жоакина, классика бразильской литературы XIX века, представителя романтической школы сентиментальных традиций «плач сердца». Сработал привычный для критиков стереотип: экранизация классики не может быть плохой или слабой по определению. «Рабыня Изаура» может по праву считаться вехой в истории телевидения: с неё началась эпоха самых что ни на есть настоящих и далеко не всегда качественных «мыльных опер». Вряд ли кто-то специально начал эту кампанию, так уж сложилось по жизни, но все эти рабыни, «просто Марии» и обитатели элитных пляжных посёлков сильно скрасили россиянам тяжёлые первые годы перестройки.

Хотя на сей раз пресса была уже далеко не так благосклонна, да и не каждый интеллигентный человек ре-

шался признаться, что регулярно смотрит «это», но рейтинги говорили сами за себя. И «Семнадцать мгновений весны», и «ТАСС уполномочен заявить», и все остальные отечественные сериалы-лидеры померкли перед «гламурными», как бы сейчас сказали, произведениями малоизвестных режиссёров обеих Америк — и Северной, и Южной. Вот с этого-то момента и началось практически полное слияние телефильмов с литературой, причём трудно сказать, где экранизируется литературное произведение, а где — литературизуется (прошу прощения за изобретённый термин) экранное действие. Классический пример — «Бедная Настя», сериал как бы из жизни российского общества времён Николая Первого. Пример не только того, как пишутся (точнее, делаются) книги «с экрана», но и вопиющей — до изжоги и оскомины — «клюквы».

Практическая польза сериала — крайне сомнительна, ничего путного в плане постижения российской истории из него извлечь невозможно. Впрочем, неудивительно: либретто писалось американцами, и даже не российского происхождения. Вся интрига действия — тайна происхождения красавицы Анны-Анастасии — рассыпается в прах при первой же попытке мало-мальски серьёзного изучения проблемы: интрижки господ с крепостными девками никогда не были какой-то постыдной тайной. Если барин желал узаконить плод такой интриги — никто ему никаких препятствий не чинил, если не желал — никто не удивлялся. Книга — в четырёх томах! — тем не менее, была издана, и вполне приличным тиражом. Зачем — это отдельный вопрос, к нашей теме прямого отношения не имеющий. Но вторая попытка из той же «оперы» — «Адъютанты любви» — с треском провалилась.

Вообще-то с историческими экранизациями у современного телевидения отношения складываются, мягко говоря,

плохо. То ли создатели сценариев не читают первоисточник, то ли читают по диагонали, то ли считают, по примеру Александра Дюма, что история — только гвоздь, на который можно вешать всё, что заблагорассудится. Автора «Трёх мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» историки отродясь всерьёз не воспринимали, но он, между прочим, на подобное признание и не претендовал. Зато от большинства его романов по сей день оторваться невозможно, а их экранизации, как правило, входят в золотой фонд мировой кинематографии. Может быть, потому, что Дюма всё-таки придерживался исторической достоверности и вольничал только с им же придуманными героями?

Историю по отечественным телеопусам изучать невозможно. Литературу — увы, — тем более. Особенно серьёзную литературу, потому что все режиссёры, за редчайшим исключением, стремятся экранизировать не столько литературное произведение, сколько своё собственное видение (или прочтение?) этого произведения. Нет, всё-таки — видение. Нашумевшая экранизация-сериал «Доктор Живаго» практически никакого отношения к роману Бориса Леонидовича Пастернака не имеет. Совпадают только общая фабула (и то весьма условно), да имена персонажей. Остальное — чистой воды выдумка создателей фильма. Впрочем, этому произведению вообще была уготована сложная судьба, в том числе, и на экране. Невыносимо красивая американская версия тоже имеет к роману весьма отдалённое отношение, но там хотя бы не дописывали за автора, а просто разводили «клюкву развесистую обыкновенную», в какой-то степени компенсируя это прекрасным актерским составом и чудесной музыкой. Польская версия промелькнула практически незамеченной... Справедливости ради скажу, что в любом случае фильм смотреть гораздо интереснее, чем читать роман, который и стал-то безумно популярным

и модным только потому, что в своё время его почему-то запретили. А запретный плод, как известно, сладок. Если бы в 60-х годах прошлого века «Доктора Живаго» издали нормальным тиражом, да ещё включили бы в школьную программу по литературе, читали бы эту — да простит меня Борис Леонидович! — невыносимо скучную и невероятно растянутую книгу только из-под палки. Как «Железный поток» Серафимовича или «Жизнь Клима Самгина» Горького. Находились, конечно, любители и такого чтения (в основном, литературоведы), но гениальными произведениями их никто и никогда не называл. Сейчас, правда, объем продажи книги Пастернака резко вырос, но неизвестно, дочитало ли ее большинство покупателей до конца или ограничилось «просмотром по диагонали».

Михаилу Булгакову в этом плане повезло больше: состоявшаяся всё-таки экранизация «Мастера и Маргариты» не стала из ряда вон выходящим кинособытием, но хотя бы не исказила подлинник. Ну, не слишком исказила. Для тех, кто роман читал, было интересно посмотреть «картинки». Для тех, кто не читал — просто интересно. Да и опять же спрос на произведения Михаила Афанасьевича в книжных магазинах резко повысился. «Мастера и Маргариту» экранизировать очень сложно, поскольку роман многоплановый, предполагает доскональное знакомство с историей и с историей религии в частности. Кроме того, неповторимая «булгаковская аура» на экране теряется, как выдыхается открытый флакон дорогих духов. Но, повторю, общая канва романа передана достаточно чётко и позволяет «иметь представление» о, пожалуй, лучшем из произведений Михаила Афанасьевича.

Что же касается «Доктора Живаго», то его создатели ничего принципиально нового в своем творческом осмыслении не придумали, только книгу

взяли уж больно одиозную. За десять лет до этого состоялась такая же «экранизация» многотомного романа В.Крестовского «Петербургские трущобы». Персонажи — совпадают. Но название чуть-чуть изменено («Петербургские тайны»), события — приглажены и отлакированы, а тех, кто захотел прикинуть к первоисточнику, постигало разочарование: весьма слабая книга, написанная в стиле ранних рассказов Гиляровского без красивых любовных историй и счастливых развязок. Правда, издательство, которое выпустило книгу, заработало неплохие деньги, поскольку на обложке было крупно написано «Петербургские тайны», а где-то в уголке, очень мелко — «Петербургские трущобы». Так, может быть, современные экранизации выгодны книжным издательствам?

Но телевидение открыло ещё одно, доселе неведомое явление: экранизацию книги, которую никто и никогда не читал и, что самое пикантное, не прочтёт. По одной простой причине: такой книги в природе не существует. Или существует — но в каком-то модернизированном «самиздатовском» варианте. Во всяком случае, ничего подобного нет ни в книжных магазинах, ни в библиотеках — обычных или электронных. Назвать подобные «шедевры» экранизацией невозможно при всем желании, хотя их создатели именно на это и претендуют. Но это еще полбеды. Беда в том, что бесчисленные псевдоэкранизации, заполонившие телеэкран, никак не способствуют ни расширению кругозора зрителей, ни — тем более! — повышению их культурного уровня. Для взрослых это, возможно, уже и не принципиально, но вот для молодёжи... Пагубно убитое время, замусоренная память, фактически целенаправленная «подсадка» на низкопробные, да ещё и «долгоиграющие» сюжеты, ничего не дающие ни уму, ни сердцу. И уже совсем плохо то, что после таких просмотров очень трудно переключаться на серьёз-

ные произведения, такие, над которыми надо размышлять, которым нужно сопереживать, а не просто потреблять в качестве пресловутого зрелища. Хотя справедливости ради отмечу, что даже экранизация бесспорной классики тоже оставляет желать лучшего. «Война и мир», много лет тому назад снятая Сергеем Бондарчуком, при всех её недостатках смотрится сегодня абсолютным шедевром на фоне его же «Тихого Дона», американизированного до предела. Фабула, правда, сохранена, но и только...

Не знаю, на какие темы пишут сочинения современные школьники, но прекрасно помню, как нам на уроках литературы предлагали дать собственную оценку художественному фильму, снятому по достаточно известному произведению — отечественному ли, иностранному. Но даже при самом буйном воображении трудно себе представить, чтобы педагог предложил своим ученикам оценить какой-либо из современных «шедевров экранизации», хоть на теле-, хоть на киноэкране. Другими словами, «зрительная» культура у нас стремительно расходится с культурой «книжной», особенно в том, что касается классики. Да и классикой-то считается совсем не то, что раньше подразумевалось под этим словом. «Классическое произведение» заменено далеко не синонимом — «бестселлером», то есть книгой, которая продаётся лучше других. Поэтому словосочетание «классический бестселлер» само по себе достаточно бессмысленно, хотя и забавно. Особенно когда в этот раздел чуть ли не автоматически попадают так называемые «женские детективы». Эти детективы чрезвычайно охотно экранизируют, но... Но с определёнными оговорками и чётко расставленными акцентами. Например, экранизация книг Александры Марининой. Пока это были, так сказать, классические детективы, то есть минимум рассуждений — максимум действия, фильмы по ним снимали легко и даже

со вкусом. Но как только писательница наделила своих героев способностью размышлять, причём — вот ужас-то! — на достаточно интересные, злободневные, хотя и непростые темы — всё, как отрезало. То ли считают, что «рядовой телезритель» не дорос до такого уровня, то ли... То ли сами, простите, до него недотягивают.

Зато с упоением снимают картины «от Дашковой» и «от Устиновой» — двух последующих авторов в «табели о рангах» «классических бестселлеров». До такого уровня, надо полагать, доросли все. То, что его элементарно могли перерастить, причём довольно давно, никому в голову не приходит. А телекамера — штука чрезвычайно коварная, как правило, совершенно неожиданно высвечивает то, что лучше бы оставить в полумраке. В данном случае — вопиющую беспомощность сюжета, которая в полиграфическом исполнении очень удачно закамуфлирована обилием словосочетаний на тему и не очень.

Экранизация — в основном в виде разнообразных сериалов — не учит практически ничему: ни литературе, ни истории, ни жизни, как таковой. Развлекать — да, развлекает, тут придраться не к чему. Но развлекательных программ на современном телевидении и так более чем достаточно. Хотя это дело вкуса, а о вкусах у нас традиционно не спорят. По-моему, напрасно, можно было бы и подискутировать. Например, о том, что в последнее время львиную долю сериалов-экранизаций занимают сюжеты... о тюрьме. Или о «зоне» — суть вопроса от этого не меняется. «Боец» — тюрьма и «зона», «Острог» — «зона» и тюрьма, даже почти ставший классикой «В круге первом» — всё та же «зона», только с историческим уклоном. Конечно, внимательно просматривая все эти ленты, можно в мельчайших деталях ознакомиться с тюремно-лагерным бытом, получить первоначальные (и не только)

«уроки выживания» в этом самом быту, в совершенстве овладеть соответствующей лексикой. Только зачем? И так подрастающее поколение знает обо всём этом намного больше любого преподавателя. Хотя... Говорят же: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Возможно, нас и готовят, на всякий, так сказать, случай. Опять же случаи всякие бывают. Сегодня ты олигарх — а завтра уже зэк. Или наоборот — в зависимости от везения. Интересно только, кто консультирует создание подобных произведений? Именно консультирует, потому что вряд ли их сценаристы и режиссёры поголовно «мотали срок». Во всяком случае, мне всегда представлялось, что на телевидение приходят работать не с «зоны», а откуда-то ещё. Впрочем, пути Господни неисповедимы.

А телеэпопея под названием «Борис Акунин»?! Для начала книжки со стильными чёрно-белыми обложками заполонили вагоны метро, садовые скамейки и верхние ящики учрежденческих столов. Не прочесть хотя бы одну такую книгу — значит, бесповоротно выпасть из числа культурных людей. Хотя сам автор в недавнем интервью признал, что его произведения — это и не литература вовсе, а «проект». Расшифровывать загадочное понятие предлагалось самим читателям. Автор поскромничал: это уже не проект, а некий суперпроект, плавно перешедший в новую стадию — экранную. *Премьера телеверсии «Азавелья», первого из акунинских романов, была обставлена с невероятной помпой.* Никому доселе неведомый Эраст Фандорин вмиг стал чуть ли не национальным героем. Плохо это или хорошо, обсуждать не имеет смысла, этот феномен ещё ждёт своего исследователя. Понятно только, что даже для общего самообразования всё это не столько бесполезно, сколько вредно.

Но... своей экранизации ждёт, по видимому, очередной «бестселлер всех времён и народов» — «Повесть о ненастоящем человеке». Произведение без

чёткой фабулы, начисто лишённое каких-либо литературных достоинств, написанное довольно-таки убогим языком современных «продвинутых перцев», то есть таким языком, от которого любой словесник немедленно получит инфаркт или инсульт. Но если не появится телеверсия этого... явления, я лично буду сильно удивлена.

Кстати, знаете, что больше всего волнует сегодня деятелей кинематографии и телевидения? Нет, не отсутствие хороших произведений, не снижение общего культурного уровня и даже не проблема с подбором актёров. Больше всего волнует... отсутствие денег, вследствие чего, по признанию самих же «киношников» и телевизионщиков, «талантливые люди не создают новых картин и десятилетиями ищут спонсоров». Вопрос к залу: а кто же тогда создаёт совершенно гомерическое количество новых картин-однодневок, если таланты — в «финансовом простое»? Ответ, увы, напрашивается сам собой и в комментариях не нуждается.

А напоследок — немного информации к размышлению. В Гатчине регулярно проходит российский кинофе-

стиваль экранизаций литературных произведений «Литература и кино». Это единственный в России кинофестиваль фильмов, снятых на основе литературных произведений, а не сценариев. Его основная задача — привлечь внимание к отображению литературы средствами киноискусства, искать новые таланты и определять перспективные тенденции в киноискусстве. Кто-нибудь слышал об этом фестивале? Видел анонсы? Знаком с фестивальной программой, знает имена победителей и названия их произведений? Боюсь, что нет.

Кстати, на американских фестивалях уже давно вручаются «Оскары» за лучшие экранизации литературных произведений, или, как они называются, «за адаптации». «Адаптация, приспособление, упрощение, привыкание» — у этого слова много толкований, но испокон веку применительно к литературе оно использовалось, в основном, в одном-единственном понимании: упрощение произведения так, чтобы оно стало понятным и доступным максимально широкому кругу читателей.

Или уже только зрителей? **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Профильная ориентация — основа личностной готовности девятиклассников к профессиональному самоопределению

Алексей Обухов, директор Центра обеспечения деятельности учреждений образования Главного управления образования Воронежской области

Для старшекласников, стоящих перед выбором дальнейшего профиля обучения и осуществляющих знакомство с различными областями профессиональной деятельности, важным шагом в становлении полноценно функционирующей личности является профессиональное самоопределение. Развёрнутый во времени процесс согласования личностных возможностей и социальных потребностей не завершается подготовкой по избранной специальности. Это обусловлено особенностями современного, чрезвычайно динамичного рынка труда, быстрой сменой профессионального ряда, расширением функциональных обязанностей работника в рамках профессии. На смену специализации приходит профессионализм, фундамент которого — личностные качества человека.

О научно-методических основах формирования личностной готовности учащихся девяти классов к профессиональному самоопределению и использовании учебно-методического обеспечения в практической деятельности основной школы читайте в этой статье.